

Научная статья
УДК 94(479)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64
EDN: ВОРУQW

ПОЛИТИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

Шарафутдин Арифович Магарамов¹,
Магомедхабиб Русланович Сефербеков²

^{1,2} Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Россия

¹ sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

² dnc.ran@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования политико-поведенческих моделей акторов российско-турецкого пограничья, образовавшегося после Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. Проблема исследуется не только с позиций великих держав, но и с точки зрения горных обществ. Опираясь на архивные материалы, часть которых впервые вводятся в научный оборот, и историографические источники анализируются модели поведения дагестанских правящих элит, которые были вовлечены в сложные российско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Выявлены причины формирования пророссийских или протурецких отношений дагестанских владетелей, прослеживается эволюция их внешнеполитических ориентаций. Показано, что поведенческие модели участников пограничья были продиктованы стремлением к личной выгоде, желанием укрепить исключительно собственную роль среди остальных владетелей.

Ключевые слова: Российско-турецкое пограничье, Восточный Кавказ, поведенческие модели участников пограничья, дагестанские владетели.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

Для цитирования: Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р. Политико-поведенческие модели участников российско-турецкого пограничья Восточного Закавказья в первой трети XVIII в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 55-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64. EDN: ВОРУQW.

© Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р., 2023

Original article

POLITICAL-BEHAVIORAL MODELS OF THE RUSSIAN-TURKISH FRONTIER ACTORS IN THE EASTERN CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Sharafutdin A. Magaramov¹, Magomedkhabib R. Seferbekov²

^{1,2} Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

¹ sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

² dnc.ran@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-5714-8178>

Abstract. The article discusses the process of formation of political-behavioral models of the actors of the Russian-Turkish frontier, formed after the Persian campaign of Peter I in 1722-1723. The frontier theory is used as a basic concept, which allows us to consider the problem not only from the standpoint of the great powers but also from the point of view of mountain communities. The behavioral patterns of the Dagestan governing elites, who were involved in complex Russian-Turkish ties in the first third of the 18th century, are investigated using archival resources, some of which are being presented into science for the first time, and historiographic sources. The authors explain why Dagestan's rulers formed pro-Russian or pro-Turkish alliances and follow the history of their foreign policy views. It is demonstrated that the behavioral models of the frontier participants were influenced by the drive for personal gain, as well as the desire to improve their own position among other owners.

Keywords: Russian-Turkish frontier, Eastern Caucasus, behavioral models of frontier actors, Dagestan rulers.

Gratitude and funding: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

For citation: Magaramov Sh.A., Seferbekov M.R. Political-behavioral models of the russian-turkish frontier actors in the Eastern Caucasus in the first third of the 18th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 55-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-55-64. EDN: BOPUQW.

© Magaramov Sh.A., Seferbekov M.R., 2023

В Петровскую эпоху Российское государство обрастало новыми территориями, границы страны расширялись в разных географических направлениях. Одним из масштабных внешнеполитических акций, приведший к разрастанию границ империи, явился поход Петра Великого в Дагестан. По его результатам Российская империя закрепила за собой новые пространства в Кавказско-Каспийском регионе. Южные границы империи продвинулись вдоль юго-западных берегов Каспия, включив территории современных прикаспийской низменности Дагестана, Азербайджана и северных областей Ирана.

Продвижение России вглубь Южного Кавказа и Ирана встретило сопротивление со стороны Турции, что в итоге привело к разделу земель между ними в Восточном Закавказье и установлению российско-турецкой границы. Определение границ между Российской и Османской империями, согласно достигнутым договоренностям (ст. 1 Константинопольского договора 1724 г.), проходила следующим образом. Территория от города Шемахи до берега Каспийского моря по прямой линии делилась на три равные части, затем там, куда приходилась 2/3 части от побережья, ставился разграничительный знак. От города Дербента на расстоянии 22 часа езды в горах ставился второй знак, и оба знака соединялись прямой линией, которая продолжалась до места слияния рек Аракса и Куры, которое считалось конечным пунктом российско-турецкой пограничной линии. России отходила территория в сторону моря от данной линии, а противоположная часть – Турции.

Территория Дагестана, начиная от реки Сулак вплоть до Дербента было признано за Российской империей. В Дагестане под власть турок переходили владения Сурхай-хана Казикумухского и лезгинские общества в верховьях реки Самур. Под власть турок отходили Грузия и Ереванская провинция. Ширванская область с городом Шемаха оставалась как буферная зона между двумя державами и передавалась под управление дагестанского владетеля Хаджи-Дауда [Бутурлин 1823: 52], который к этому времени перешел под протекцию Турции.

Турецкие власти подстрекали Хаджи-Дауда на антироссийские действия, пытаясь ослабить влияние русских в новозавоеванных территориях. В течение 1722–1723 гг. отряды Хаджи-Дауда совместно с силами уцмья Кайтага неоднократно предпринимали штурм Дербента с целью выбить российский гарнизон из города, но безуспешно [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 863–863 об.]. Когда по причине отсутствия выплат, отряды Хаджи-Дауда перестали его поддерживать и «разошлись де все по домам» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 867–868], он задумал некую хитрость. Турецкий торговый человек из Шемахи сочинил фальшивые письма от имени султана, в которых якобы обещал Хаджи-Дауду помощь войском и артиллерией. Однако и данные письма не возымели нужного действия на отряды горцев [АВПРИ. Ф. 77. 1723 г. Оп. 77/1. Д. 8. Л. 34–34 об.].

Находясь под турецкой протекцией, Хаджи-Дауд, часть владений которого перешли в российскую сферу влияния, пытался препятствовать процессу разграничения российско-турецкой границы. С этой целью ему удалось подкупить турецкого Мустафа-пашу, заплатив «12 тысяч туманов», что составляло российскими «деньгами 120 тысяч рублей» [АВПРИ. Ф. 77. 1726 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 30], который отозвал турецких уполномоченных представителей по демаркации границы до весны 1727 г.

Хаджи-Дауд понимал, что Сурхай-хан Казикумухский активизировал свою деятельность, чтобы турки назначили его ханом Ширвана вместо него. Сурхай-хан говорил, «что хотя до чего не дойдет, токмо он от Шемахи не отстанет, а ныне де они оба к паше великие суммы денег посылают, Сурхай для получения себе Шемахи, а Дауд для удержания... Сурхай при нем 50 мешков к паше послал» [АВПРИ. Ф. 77. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 82]. Ослабленный вниманием со стороны турков, Хаджи-Дауд попытался переориентироваться на российскую сторону. Он старался наладить отношения с российской военной администрацией на Кавказе: писал письма дербентскому коменданту полковнику А.Т. Юнгеру и отправлял посланников в Баку генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву. Российские власти, не намеренные нарушить условия Константинопольского договора 1724 г. с Турцией, решили отказать Хаджи-Дауду в российской протекции [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 19. Л. 219].

Учитывая возрастающую роль Сурхай-хана на Северо-Восточном Кавказе и в целях привлечения на свою сторону, в 1727 г. турецкие власти пожаловали ему чин паши, определили ежегодное жалованье в 3 тыс. руб. и отдали под его управление уезд Кабалу. После таких подношений Сурхай-хан принял турецкую протекцию [Гербер 1958: 103]. Туркам казикумухский хан, обладавший внушительными военными силами, показался более полезным деятелем, чем Хаджи-Дауд. Потому и было решено назначить его правителем (ханом) Ширвана

[АВПРИ Ф. 77. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 110 об.]. Судьба отстраненного от власти в Ширванском ханстве Хаджи-Дауда была предрешена: в 1728 г. он был арестован турецкими властями и отправлен в ссылку на остров Родос в Эгейском море.

Назначение Сурхай-хана ширванским ханом возвысило его роль в политической жизни региона. Разграничение российско-турецкой границы затрагивало и часть его владений, и он стал препятствовать разделению собственных владений. Согласно условиям ст. 1 Константинопольского договора, земли от Дербента в сторону гор на расстоянии 22 часа езды признавались за Россией, из которых земли на 6 часов езды составляли владения Сурхай-хана. После того как Сурхай-хай перешел на сторону Турции, турецкая комиссия отказалась разделить его владения, придумав отговорку, что «сурхаева владение не есть Ширванской провинции. Того ради земли ево в разделе не подлежат, и чтоб в сурхаево владение не вступатца». Турецкая сторона дабы не обидеть своего нового подопечного начала отказываться от отдельных позиций достигнутых договоренностей. До перехода Сурхай-хана под турецкую протекцию турецкие комиссары заявляли, чтобы Россия те 6 часов езды земли у Сурхай-хана «оружием взяла сама» [АВПРИ Ф. 1726 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 32-33].

Подстрекаемый турецкими властями Сурхай-хан, 20 декабря 1728 г. с вместе с Ибрагим-пашой тебризским вторгся в пределы российских владений: на Муганскую степь и в Сальянскую провинцию. Разорив более двух десятков деревень и угнав часть местного населения в плен, с огромным награбленным имуществом он вернулся к себе в горы. Нам удалось в фондах АВПРИ обнаружить документ, в котором приводятся сведения о разоренных населенных пунктах, о количестве сожженных дворов в каждой деревне, численности убитых и угнанных в плен людей, количестве угнанного скота и награбленного имущества. По документальным данным, было разорено и уничтожено 23 деревень, в которых было сожжено 859 дворов. Всего было убито 280 мужчин, а угнано в плен 226 мужчин, женщин – 70, мальчиков и девочек – 55, ранено – 10 человек. Было угнано: лошадей – 1293, верблюдов – 100, ишаков – 2, волов – 4828, в том числе со вьюком – 102, буйволов – 35, баранов – 6967 голов. Было разбито 73 мельничных каменных жерновов, награблено бумаги хлопчатой 535 батманов, бумажных ниток 30 батманов, ковров шелковых и шерстяных, и полу ковров 2718 штук и т.п. [АВПРИ Ф. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 7. Л. 60-69 об.].

В отместку российские отряды под руководством бригадира Л.Я. Соймонова угнали из владений Сурхай-хана более 30 тыс. баранов [Курукин 2010: 252]. Решение наказать Сурхай-хана было принято после отговорок турков в ответ воздействовать на него о том, что якобы межевание российско-турецкой границы во владениях Сурхай-хана еще не завершено, и он «не в совершенном послушании» от них [Сотавов 1991: 79]. Сурхай-хан, хотя формально и находился под турецкой протекцией, но продолжал действовать в целом самостоятельно и не доверял туркам: «Сурхай в великом опасении от турков, чтоб с ним того не учинили, как з Даудом и ни в чем им не верить» [АВПРИ Ф.77. 1729 г. Оп. 77/1. Д. 7. Л. 82 об.]. Ни Сурхай-хан, ни российские власти не вернули друг другу награбленного имущества.

Приграничная российская территория оставалась напряженной и нестабильной под влиянием действий Сурхай-хана, который продолжал действовать самостоятельно. Он претендовал на ряд деревень в Кубинской провинции, которые перешли по результатам демаркации российско-турецкой границы к российской стороне. В марте 1732 г. генерал В.Я. Левашов, зная о планах Сурхай-хана, просит командующего турецкими силами в Гяндже Али-пашу воздействовать на хана. Письмо было отправлено самому Сурхай-хану [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 8-9]. Турецкая сторона ответила, что о планах Сурхай-хана «ничего не слыхали, может некоторые недоброжелатели о том напрасно доносят... понеже Сурхай хан противно мира поступать и нарушителем быть не смеет» [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 10-11]. Сам Сурхай-хан ответил, что «он ссорится за малое дело не желает», поскольку его секретарь известил его «о доходах тех деревень», с которых ежегодный доход составляет 15 руб., и «Сурхай сказал, [что] за 15 руб. ссорится не будет, хотя теми деревнями, и россияне владеют, токмо он желает, чтобы ведали о его правой претензии» [ЦГАРД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 90. Л. 1-11]. Очевидно, генералу В.Я. Левашову все же удалось переубедить хана отказаться от планов предпринять поход в пределы российских территорий, или же, скорее, хан, извлекая уроки из похода в Сальяны, за которым последовал ответный поход русских войск в его владения, сам отказался от похода.

Отношение уцмий Кайтагского Ахмед-хана к Персидскому походу Петра I и в целом появлению русских в Дагестане было очень своеобразным. Он и не стал препятствовать продвижению петровской армии на юг и не прибыл с покорностью. Все-таки, было опасение быть наказанным за участие в шемахинском погроме. Владетели Кайтага старались с российской властью не вступать в более близкие контакты, предпочитая более отстраненные отношения. Однако уцмий не прочь были получать российское жалованье и подарки взамен проявляя лишь мнимую лояльность.

Уцмий удалось спровоцировать находившегося под своим влиянием утамышского Султана Махмуда напасть 19 августа 1722 г. при реке Инчхе на русский отряд, продвигавшийся к Дербенту. Вскоре после наказания Султана Махмуда Утамышского уцмий сообщил Петру I о своем желании перейти на сторону царя [НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 122.], что не помешало ему в последующем вести обратную обещанную деятельность. Так, после ухода из Дагестана основных частей российской армии уцмийские отряды вместе с отрядами Хаджи-Дауда и Сурхай-хана напали на город Дербент и на российские укрепления в Дагестане. 3 и 5 января 1723 г. дербентские жители и солдаты гарнизона в отместку за нападение людей уцмий на Дербент, совершили походы в уцмийские деревни, откуда угнали скот, а 8 января «привезли две головы отрубленные, в том числе одна голова племянника уцмий, также и скотины с 700» голов [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 625].

В скором времени среди участников антироссийских действий начались разногласия и уцмий решил перейти на сторону российской власти. Как сообщал дербентский комендант А.Т. Юнгер в сентябре 1725 г., уцмий Ахмед-хан признает собственную вину и согласен возместить ущерб, причиненный им при

нападении на Дербент в августе 1725 г. [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 845–846 об.]. В своем письме Ахмед-хан заверял коменданта в Дербенте, чтоб «впредь противностей и всякой вражды между нами никакой бы не было, и чтоб всегда были в приятстве» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847].

Видимо, на решение уцмий поддаться под российское покровительство повлияли неудачные выступления шамхала Адиль-Гирея против русских, после чего против него были посланы внушительные силы во главе с генералом Кропотковым. По данным И.-Г. Гербера, уцмий состоял «под Российской империей с 1725 г. В оном году он с сыновьями своими и всеми старшинами от сих уездов присягу учинил и аманатов дал» [Гербер 1958: 83].

Одним из влиятельных дагестанских владетелей петровской эпохи был шамхал Тарковский Адиль-Гирей, который ещё накануне Персидского похода был принят в российское подданство. 6 августа 1722 г. продвигавшегося в сторону Дербента Петра I встретил шамхал, который заверил императора о своей верности престолу. Шамхал прибыл на встречу с Петром I вместе с еще одним кумыкским правителем Султан-Махмудом Аксайским, проявивший свою лояльность царю. Адиль-Гирей передал Петру I 600 быков в телегах, ещё 150 – под провиант для армии и 3-х персидских лошадей, а Султан-Махмуд – 100 быков и 6 «изрядных» персидских лошадей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1540. Ч. 1. Л. 69].

13 августа Петр I в сопровождении военных министров и генералов посетил шамхальский дом в Тарках. Адиль-Гирей в знак благодарности высокому гостю подарил серого аргамака с золотым конским убором и шелковый персидский шатер. Царь не остался в стороне, одарил шамхала золотыми часами [Шереметев 1914: 254]. Провожая царя, Адиль-Гирей предложил ему свое войско, но он отказался, взяв только несколько отборных наездников. В свою очередь, царь выделил шамхалу почетный караул из двенадцати солдат, которые оставались в Тарках вплоть до кончины Петра I [Потто 1912: 9].

Союзнические отношения Адиль-Гирея с Петром Первым были продиктованы желанием находиться под покровительством более сильной державы, стремлением занять лидирующую роль среди остальных дагестанских владетелей, чей статус как царского подданного возрастал в глазах, соперничавших с ним владетелей [Русско-дагестанские отношения 1958: 262-265]. В планах шамхала Тарковского также было распространение своего влияния на ногайцев, кочевавших в районе реки Сулак, на проживавших в районе Терека «окочан» (этногруппа чеченцев) и получение под свое управление пяти деревень в Мюшкюрской области, что к югу от Дербента, переданных ему еще Сефевидами. Все эти прошения Адиль-Гирея не были удовлетворены российской администрацией, за исключением передачи ему владений утамышского Султана Махмуда. В скором времени шамхал разочаровался в действиях российских властей, и он решил отречься от русских и занять антироссийскую позицию. Также шамхал был недоволен тем, что вблизи его владений царь начал строить новую крепость Святого Креста, в котором был размещен крупный гарнизон войск. За антироссийскую деятельность шамхал Адиль-Гирей в 1726 г. был пленен и отправлен в ссылку в Архангелогородскую губернию, где в январе 1732 г. скончался [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 781. Л. 85 и об.].

Совершенно противоположной позицию остальных дагестанских владельцев было поведение дербентского правителя (наиб) Имама Кули-бека. Его про-российская позиция определилась, как только воинские подразделения Петра I оказались на территории Дагестана. Накануне прихода Петра I в Дербент Имам Кули-бек тепло встретил подполковника Г. Наумова, прибывший в город для обсуждения процесса сдачи города императору. В ходе переговоров наиб склонился к сдаче города без боя. Ввиду очевидного превосходства сил Петра I наиб предпочел диалог сопротивлению.

В отличие от других дагестанских владельцев, за исключением шамхала Адиль-Гирея, отрицательно отнесшихся к появлению царя с многотысячной армией в Дагестане, наиб дербентский, пожалуй, выбрал себе правильную стратегию. У него не было шансов и возможности сопротивляться российской армии, поскольку Дербент входил в число городов, которые по результатам Персидского похода Петра Первого, должны были быть присоединены к Российской империи. Выразив свою покорность царю, наиб оставался верным России до конца своей жизни. Характеризуя отношение наива к России, командовавший армией на юго-западных берегах Каспия фельдмаршал В.В. Долгоруков в 1730 г. писал, что «о верности его известно всем» [Алиев 1975: 93].

За верность к России Имам Кули-бек был оставлен в той же должности наива, еще был пожалован чином генерал-майора с ежегодным жалованьем в 3 000 руб. [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2. Л. 96 и об.]. Особенным было отношение Петра I и к жителям Дербента, что было выражено в предоставлении дербентцам особых торговых привилегий и обеспечении их необходимым продовольственным запасом: «Дербентских жителей надлежит кормить нашим же провиантом и когда комендант Юнгор или Наиб будут к нам о провианте для пропитания дербентским жителям писать, тогда им определите провиант на семью по чему надлежит, а имянно против того, почему в ваших домах людям на семью дается» [Комаров 1867: 52].

Власть дербентского наива после установления российской власти в Дербенте несколько не ограничилась. По личному распоряжению императора городской комендант в управленческой практике обязан был сотрудничать с наибом Имамом Кули-беком. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин 30 августа 1722 г. подготовил специальную инструкцию для коменданта, согласно которой «с дербенским наипом иметь согласие, и поступать ласково, и в среднем городе ево команды не отнимать, и по воротам оной крепости караулам быть от него, или как с общего согласия заблагоразсудите» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 198–201].

Видя высокий статус Имама Кули-бека в глазах российской власти его поддержкой в выстраивании контактов с Россией, старались воспользоваться те владельцы, которые изначально выступили против появления русских в Дагестане. Так, в 1725 г. кайтагский уцмий писал наibu, чтобы он отправил к нему свою депутацию с целью «учинить между собою и нами верную дружбу, и между нами бы никакой противности не было». Уцмий Ахмед-хан имел намерение, судя по его письму, впредь поддерживать дружные отношения, «о чем и люди мои о том желают, что с вами и с рускими быть в приятстве» [РГАДА. Ф.

9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847.]. 26 июня 1725 г. письмо с аналогичным содержанием наибу отправил шамхал Адиль-Гирей [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1033 и об.], в надежде урегулировать сложные отношения с российской властью.

Благодаря правильно выбранной стратегии дербентского правителя город избежал штурма, горожане сохранили свое имущество и положение, более того, все дербентцы получили торговые привилегии от царя. Петр I высоко оценил позицию и поведение наиба: ему была предоставлена возможность служить интересам Российской империи и даже осуществить визит ко двору императрицы Екатерины I. До конца своей жизни наиб оставался верным российской власти.

Итак, политико-поведенческие модели участников российско-турецкого пограничья на Восточном Кавказе в первой трети XVIII в. формировались и протекали под воздействием прежде всего внешнеполитических факторов. Дагестанские владетели Хаджи-Дауд Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский, уцмий Ахмед-хан – участники антииранских восстаний первых двух десятилетий XVIII в. с началом Персидского похода Петра I заняли антироссийскую позицию, поскольку они были объявлены в манифесте «бунтовщиками», от чьих рук, в частности, пострадали русские купцы в Шемахе в 1721 г. Что касается шамхала Адиль-Гирея Тарковского, дербентского наиба Имама Кули-бека, то они проявили лояльность к русским властям. Их пророссийская ориентация была продиктована стремлением укрепить собственные позиции в условиях феодальных междоусобиц, сохранить свой политический статус и имущество. Судьбы разных участников пограничья складывались по-разному.

Установление российско-турецкой границы на Восточном Кавказе приводит к изменению политико-поведенческих моделей участников пограничья: одни из них принимают покровительство Турции, другие становятся союзниками российской власти, третьи пытаются сохранить самостоятельность, теряют политическую власть. В условиях пограничного мира участникам нелегко было изначально выбрать правильную позицию. Изучение процесса формирования и эволюции поведенческих моделей участников фронтальной линии открывает новые возможности для понимания особенностей пограничья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 1975 – *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку: Изд-во «Элм», 1975. – 231 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Бутурлин 1823 – *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII в. Часть II. Т. IV. – СПб.: Печатано в Военной тип. Главного штаба Е.И.В., 1823. – 255 с.

Гербер 1958 – *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 60-120.

Курукин 2010 – *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.

Комаров 1867 – *Комаров В.* Персидская война 1722–1725. – М.: в Университетской тип., 1867. – 68 с.

Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

- Потто 1912 – *Потто В.А.* Пётр I на берегу Каспийского моря. – СПб.: В. Березовский, 1912. – 14 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Русско-дагестанские отношения 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. – 336 с.
- Сотавов 1991 – *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1991. – 221 с.
- ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- Шереметев 1914 – *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. – М.: Синодальная Типография, 1914. – 418 с.

REFERENCES

- ALIEV F.M. *Antiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv turetskoy okkupatsii v Azerbaydzhanе v pervoy polovine XVIII v.* [Anti-Iranian speeches and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century]. – Baku: Publishing House "Elm", 1975. – 231 p. (In Russ.).
- Архив vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. (In Russ.).
- BUTURLIN D.P. *Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII v.* [Military history of Russian campaigns in the 18th century]. – Part II. – Т. IV. – St. Petersburg: Printed in Military type. of the General Staff of E.I.V., 1823. – 255 p. (In Russ.).
- GERBER I.G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.* [Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728]. In: History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries. – М.: Publishing House of the East. literature, 1958. – Pp. 60-120. (In Russ.).
- KURUKIN I.V. *Persidskiy pokhod Petra Velikogo: Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735)* [Persian Campaign of Peter the Great: Grassroots Corps on the Banks of the Caspian Sea (1722–1735)]. – М.: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – 381 p. (In Russ.).
- KOMAROV V. *Persidskaya voyna 1722–1725.* [Persian War 1722-1725]. – М.: in the University type, 1867. – 68 p. (In Russ.).
- Nauchnyy arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).
- POTTO V.A. *Petr I na beregu Kaspiyskogo morya* [Peter I on the coast of the Caspian Sea]. – St. Petersburg: V. Berezovsky, 1912. – 14 p. (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archives of Ancient Documents] (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archives] (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota* [Russian State Archives of the Navy] (In Russ.).
- Russko-dagestanskіe otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII v. Dokumenty i materialy* [Russian-Dagestan relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials]. – Makhachkala: Doug. book. publishing house, 1958. – 336 p. (In Russ.).
- SOTAVOV N.A. *Severnnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.* [North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century]. – М.: Nauka, Glavn. ed. east literature, 1991. – 221 p. (In Russ.).

Tsentrāl'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan] (In Russ.).

SHEREMETEV P.S. *Vladimir Petrovich Sheremetev* [Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737]. – М.: Synodal Printing House, 1914. – 418 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ш.А. Магарамов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник;

М.Р. Сефербеков – младший научный сотрудник.

Information about the authors

S.A. Magaramov – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher;

M.R. Seferbekov – Associate Researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.